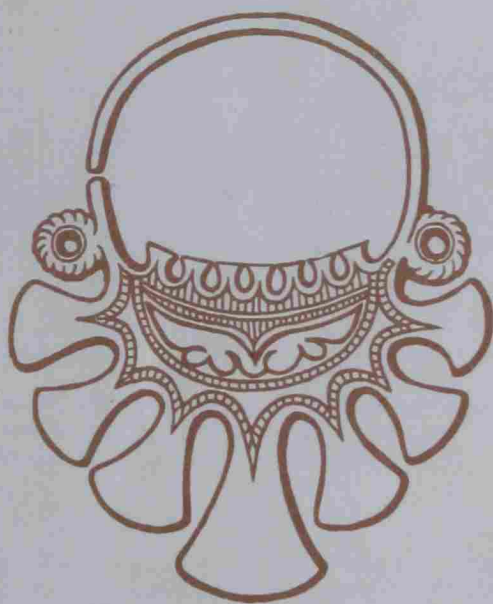

ISSN 0869-6063

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

1993

1

— 2^е изд. —

ДРЕВНЕБАКТРИЙСКАЯ КРЕПОСТЬ ТАЛАШКАН-ТЕПЕ I

При рекогносцировочных работах отряда Узбекистанской Искусствоведческой экспедиции Института искусствознания им. Хамзы летом 1972 г. в Шерабадской степи у заброшенного кишлака Талашкан, в 15 км к юго-западу от г. Шерабада была обнаружена группа археологических памятников, состоящих из трех тепе, находящихся на небольшом расстоянии друг от друга. Самое южное из них, обозначенное как Талашкан-тепе I, представляет собой округлое в плане поселение диаметром около 130 м, площадью более 1,6 га, ориентированное по сторонам света (рис. 1). Высота вала былых стен сохранилась от 0,5 м в южной части, до 2,5 м в северной и северо-западной. Микрорельеф внутреннего пространства нарушен и, по-видимому, спланирован при сельскохозяйственных работах. При рекогносцировке был собран подъемный материал, состоящий из фрагментов керамики цилиндро-конических форм с подкосом в придонной части, анализ которой позволил предварительно отнести основной период обживания этого поселения к V—IV вв. до н. э. [1, с. 469].

Осенью 1973 г. был произведен частичный разрез северного фаса крепостной стены, определивший структуру стен и стратиграфию прилегающего к ней участка поселения [2, с. 19—24].

В весеннем полевом сезоне 1977 г. совместным отрядом Института археологии АН УзССР и Института искусствознания им. Хамзы Министерства культуры УзССР раскопки были продолжены, однако результаты этих исследований опубликованы пока лишь частично [3, с. 533].

В данной статье подводятся основные итоги археологических раскопок на Талашкан-тепе I.

Структура стены. Верхние слои крепостной стены до середины конца первого яруса представлены остатками сильно разрушенной кладки. В конце I яруса и до 20 см VII яруса прослежена монолитная кладка из сырцового кирпича (62×34×10; 62×31×10; 58×29×10 см) плотной структуры с небольшой примесью самана, при ширине швов между кирпичами 1—2 см. Стенка была возведена на плотном материковом слое темно-коричневого цвета, ширина ее у основания равна 5 м, сохранившаяся высота — 3,2 м. С внешней стороны стена имеет незначительный уклон, с внутренней — ступенеобразный выступ. На некоторых ее участках сохранилась глино-саманная штукатурка толщиной 2 см. Стену прорезают два ряда бойниц: первый из них находится на высоте 0,8 м от подошвы, второй — на 0,7 м выше. Бойницы (50×25 см) прямоугольные и со стрельчатым завершением; они расположены на расстоянии 1,7—2 м друг от друга.

Исходя из ширины стены, можно предположить, что данные бойницы не отвечали прямому их функциональному назначению, а являлись, вероятно, световыми отверстиями или играли роль своего рода психологического воздействия на противника. Были также выявлены две округлые в плане башни диаметром по внешнему обмеру 9,4 и 9,6 м с внутрибашенными помещениями (4×2,6 м); толщина стен 2,6—2,8 м. В юго-восточных углах башен имеются проходы длиной 4,1—4 м, шириной 0,6 м. В стенах башен — бойницы, расположенные в два ряда в шахматном порядке, нижние — на высоте 0,6 м от подошвы, верхние — 1,1 м.

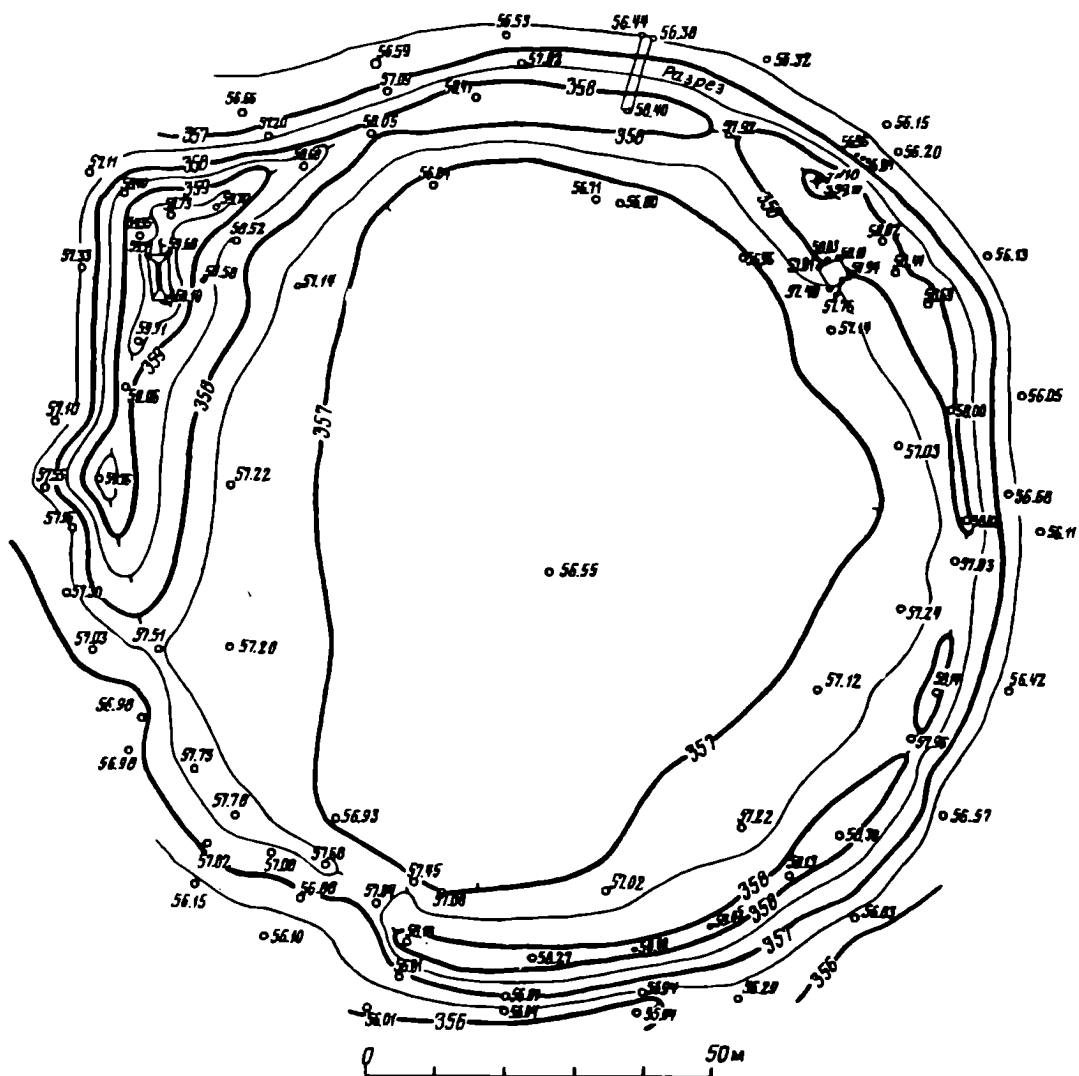

Рис. 1. План Талашкан-тепе I

По форме и размерам они аналогичны бойницам в крепостной стене. Башни выступают от нее на 5—5,2 м, расстояние между ними 15 м (рис. 2).

Судя по микрорельефу, аналогичного типа башни размещались по периметру всей стены, общее их количество 14 или 15.

Стратиграфия. Культурные слои с внутренней стороны поселения представлены хозяйственно-бытовыми отложениями. От II до V яруса прослеживается рыхлая земля сероватого цвета с большим количеством фрагментов керамики, костей животных, угольков, зеленоватыми органическими прослойками, зольниками и уплотненными линзами разрушенной стены. На уровне начала VI яруса отмечен мощный органический слой от 0,2—0,3 до 0,7 м толщины. Под ним залегает слой земли коричневатого цвета с керамикой, костями животных, сменяющийся на уровне начала VII яруса материком. В начале VII яруса прослежена яма шириной 1,5, глубиной 0,5 м, вырытая в материке около стены, в которой оказался разнообразный археологический материал, состоящий из фрагментов керамики и керамических «фишек». Непосредственно у стены на уровне конца V яруса отмечено скопление глиняных ядер в количестве более 30 экз. и зернотерок.

Верхние горизонты участка (I—III ярус) с внешней стороны стены слагались из слоев натечно-надувного характера, переотложенных заполнений поздних мусульманских погребений, зольника и комковатого компонента, представляю-

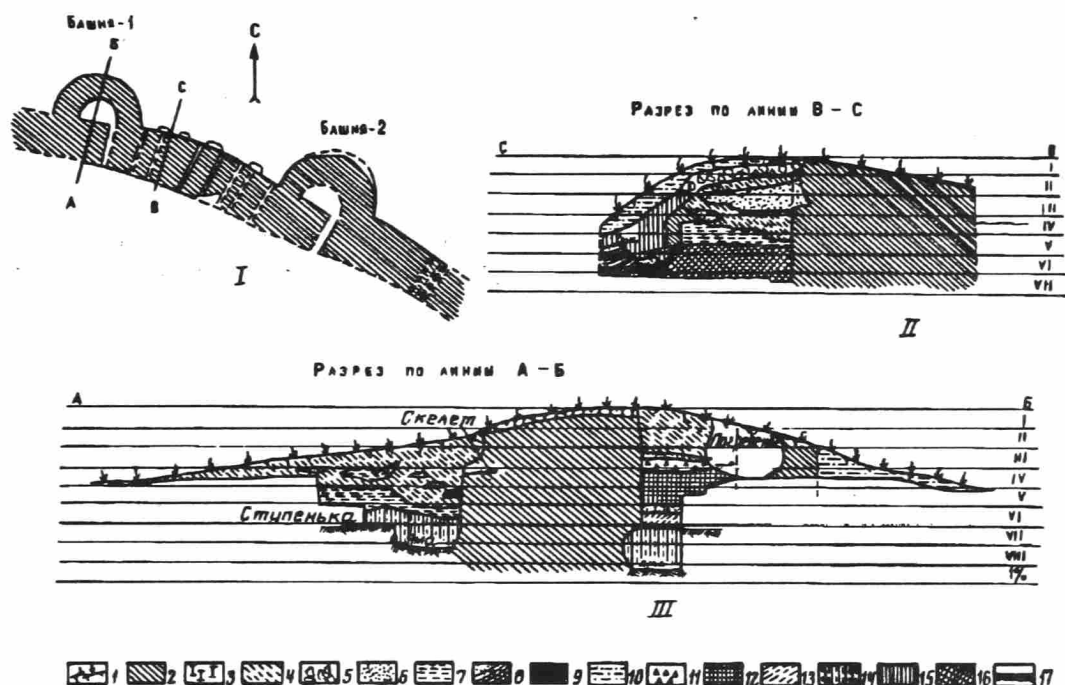

Рис. 2. План раскопанного участка крепостной стены, разрезы по оси АБ, ВС: 1 — дерновый слой; 2 — стена из прямоугольного сырцового кирпича; 3 — разрушенная кладка стены; 4 — рыхлый слой, заполненный фрагментами керамики, костей животных, угольков; 5 — разрушенная пахса; 6 — зольник; 7 — зеленоватый органический слой; 8 — зольник с прослойками земли; 9 — плотный слой; 10 — натечно-надувной слой; 11 — слой рыхлой комковатой земли; 12 — плотный слой земли с малым количеством керамики; 13 — обгорелая глина; 14 — мягкий слой коричневатого цвета с керамикой, угольками, костями животных; 15 — коричневая земля; 16 — чередующиеся прослойки органики и рыхлой земли с известковыми вкраплениями; 17 — материк

щего собой завал бывлой оборонительной стены. Ниже, на уровне начала IV яруса, прослеживается слой плотной земли с малым количеством керамики, который подстилают прослойки золы и обгоревшей земли, идущие до уровня материка, начавшегося на верхнем уровне VII яруса. В материке вырыта яма шириной 1,5 и глубиной 1,0 м, уходящая под стену, заполненная рыхлой землей с большим количеством керамики и костей животных. Еще четыре аналогичные ямы, обнаруженные в пространстве между башнями с внешней стороны стены, уходят частично под ее основание (рис. 2, 3).

Стратиграфия культурных отложений здесь несколько иная: с внешней стороны, к востоку от башни 1, общая их толщина — 3,1 м, слои идут наклонно с юга на север (рис. 2, 2). Нижний слой (середина V—VI яруса), залегающий на материке, представляет собой чередующиеся прослойки органики и рыхлой земли с известковыми вкраплениями, фрагментами керамики и костями животных. Выше (середина V — середина IV яруса) залегает слой органики зеленоватого цвета. На уровне начала этого слоя, на расстоянии 1,9 м от крепостной стены, начинается пахсовая стенка шириной 0,6 м, сохранившаяся на высоту более 1 метра (до конца III яруса). Над слоем органики и стеной залегает рыхлый слой земли с керамикой и угольками, идущий наклонно с севера на юг, толщиной 0,5—0,7 м. Над ним прослежен мощный зольный слой восьмидесятисантиметровой толщины, а выше (конец II — середина I яруса) — слой, представляющий собой разрушенный кирпич упавшей крепостной стены, который перекрывает натечно-надувной слой, выходящий на дневную поверхность (рис. 2).

Таким образом, стратиграфия пристенного участка позволяет сделать следующее заключение:

1. Ямы, выкопанные в материке и симметрично расположенные вдоль стен, могли быть своего рода «ловушками», затруднявшими доступ противнику при штурме стены.

2. На завершающем этапе существования Талашкан-тепе I пристенные участки вдоль стен используются для обживания — об этом свидетельствуют характерные культурные отложения и остатки стен помещений.

3. Эти помещения затем забрасываются, а поверх них накапливаются сброшенные мусорные слои.

4. После полного прекращения жизни на поселении стены постепенно разрушаются.

5. В обживании поселения намечаются два основных периода. В первый период возводится круглая в плане крепость с мощными стенами из крупноформатного прямоугольного сырцового кирпича, защищенными четырнадцатью или пятнадцатью вынесенными вперед башнями. Вход в крепость находился в северо-западном участке стены и, видимо, был также защищен с обеих сторон башнями. Ров вокруг крепости сейчас не прослеживается, однако наличие его, судя по впадине перед стеной, прослеживаемой с северной стороны, не исключено. Обживание внутри крепости было достаточно интенсивным, особенно в пристенных участках.

Во второй период поселение утрачивает функции крепости. С внешней стороны участки, прилегающие к стене, используются под жилые помещения, которые функционируют, видимо, непродолжительное время, а затем забрасываются. Затем поселение окончательно прекращает свое существование.

Находки. Среди находок из Талашкан-тепе I преобладает керамика, которая по своим технологическим признакам и формам предстает в основном как синхронный комплекс. Вся она, так же как и остальной археологический материал, найдена в пристенных участках. По технике изготовления ее можно подразделить на станковую и лепную. В первой группе подавляющее большинство составляет посуда цилиндрической формы с подкосом в придонной части, изготовленная из хорошо отмученной глины. Снаружи до перегиба почти все сосуды покрыты светло-желтоватым ангобом, но в придонной части внешняя поверхность обычно красноватого цвета, так же как и изнутри. Обжиг чаще всего равномерный.

По форме и технологическим признакам все цилиндрические сосуды близки между собой и различаются лишь формой венчика и размерами, что соответствует, вероятнее всего, определенному их функциональному назначению. По этому признаку можно выделить тарную и столовую посуду.

К тарной посуде относятся хумы и хумчи аналогичной формы с уплощенным, округлым или подтреугольным венчиком; стенки в верхней части иногда гофрированы, дно плоское. Основные размеры: Д — 29—42 см; Д венчика 26—40 см; Д донца 7—14 см. Соотношение придонной и верхней частей 1 : 3 (рис. 3).

На стенке одного сосуда имеется выполненный черной краской знак, близкий по очертаниям знаку на керамике из комплекса ЯЗ II [4, табл. XXXIX].

Столовая посуда этой группы представлена многочисленными фрагментами и целыми сосудами аналогичной цилиндрической формы, отличающейся от предыдущего типа размерами, прямым венчиком, более вогнутыми стенками верхней части, резким перегибом в придонной части и более высоким качеством выделки (рис. 4—6).

Основные размеры: Н — 12—21 см; Д венчика — 12—15 см; Д донца — 5,5—6,5 см, встречаются сосуды и более мелких размеров, но только в фрагментах.

Лепная керамика представлена фрагментами котлов с прямым невысоким венчиком, шаровидным туловом и дужкообразными ручками на шейке, имеющими, вероятно, декоративное назначение, а также плоскими, дисковидными с небольшими бортиками жаровнями.

Рассмотренный керамический комплекс из пристенных участков Талашкан-тепе I обнаруживает близкое сходство с керамикой многих памятников Средней Азии VI—V вв. до н. э. Так, цилиндрические сосуды больших и малых форм в определенной мере аналогичны керамике из слоев ЯЗ III [4, с. 41, табл. XIII], Афрасиаба I [5; 6, с. 159—162], Ер-Кургана [7, с. 25—31], но особенно синхронных памятников Северной Бактрии: Нижний Болдай [8, с. 87—91], Кобадан I

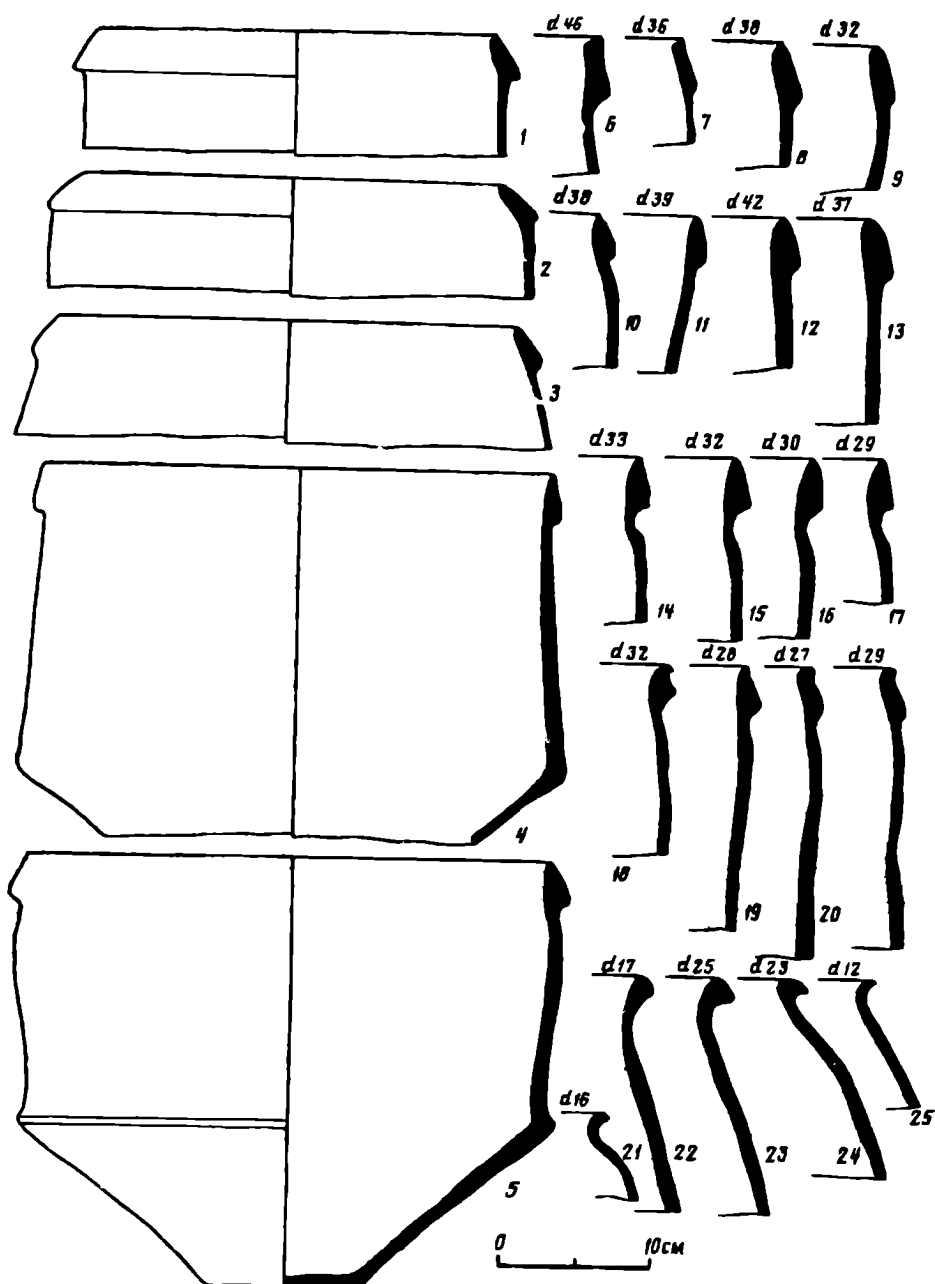

Рис. 3. Станковая керамика. Хумы и хумчи

[9, с. 121—140], Кучук III—IV [10, с. 106, табл. 16], Кызыл III [11, с. 27, рис. 2]. Согласно этим аналогиям, можно отнести время возведения и функционирования оборонительной стены Талашкан-тепе I к VI—V вв. до н. э.

Другой археологический материал, найденный здесь, составляют керамические кобуры, «фишки», ядра, каменные орудия, наконечники стрел, украшения.

Глиняные трубы-кобуры представлены несколькими фрагментами с прямыми стенками, плавно расширяющимися к одному из концов, диаметром от 9 до 15 см в средних и нижних частях. Аналогичные кобуры найдены нами на поселении V—VI вв. до н. э. Гази-Мулла у кишлака Бандыхан в Ургульском оазисе, где они прослежены на расстоянии 30 м.

Керамические фишки — более 100 экз. Они имеют округлую или многогранную форму и, по всей вероятности, были выточены из отдельных фрагментов керамики. По размерам выделяются две группы: 1) Д — 2—3 см; 2) Д — 5—6 см. Идентичные предметы обнаружены на ряде северобактрийских памятников

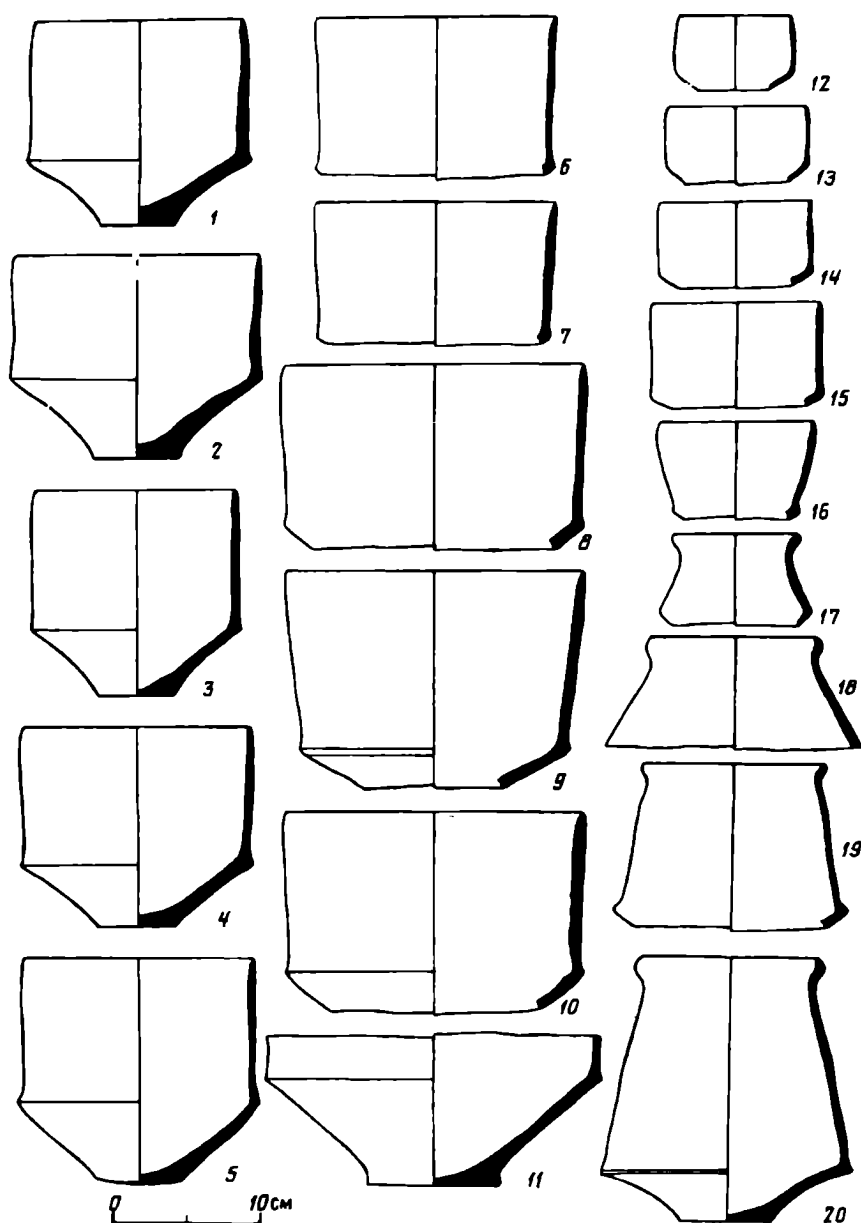

Рис. 4. Станковая керамика

ахеменидского времени (Кобадиян I, Кучук-тепе). Единого мнения об их назначении не существует. Находки из Кобадияна были отнесены к возможным атрибутам какой-либо из древних игр [8, с. 275]. «Фишки» с Кучук-тепе считались предметами, служившими для прикрывания отверстия на дне сосуда [12, с. 73], что маловероятно, учитывая многочисленность этих предметов. Не исключено, что они выполняли функции счетных единиц.

Глиняные ядра — около 70 экз. Они изготовлены из необожженной глины, представляют два типа. 1. Биконические размером $3,5 \times 6,5$ см с четкой гранью по центру или же яйцевидной формы (рис. 7, 9, 10). Подобного типа ядра предназначались, по всей вероятности, для стрельбы из ручной пращи [2, с. 23; 4, с. 38]. 2. Крупные ядра округлой формы диаметром 10—12 см. Довольно значительные размеры и вес данной группы дают возможность предположить, что они предназначались для стрельбы из специальных приспособлений наподобие катаapult (рис. 3, 8).

Зернотерки — более 25 экз. Изготовлены из гранита и грандиорита серого и темного цветов. Форма овальная, рабочая поверхность плоская, изредка вогнутая. Размеры: ширина 7—15 см, длина 30—35 см (рис. 3, 1—3).

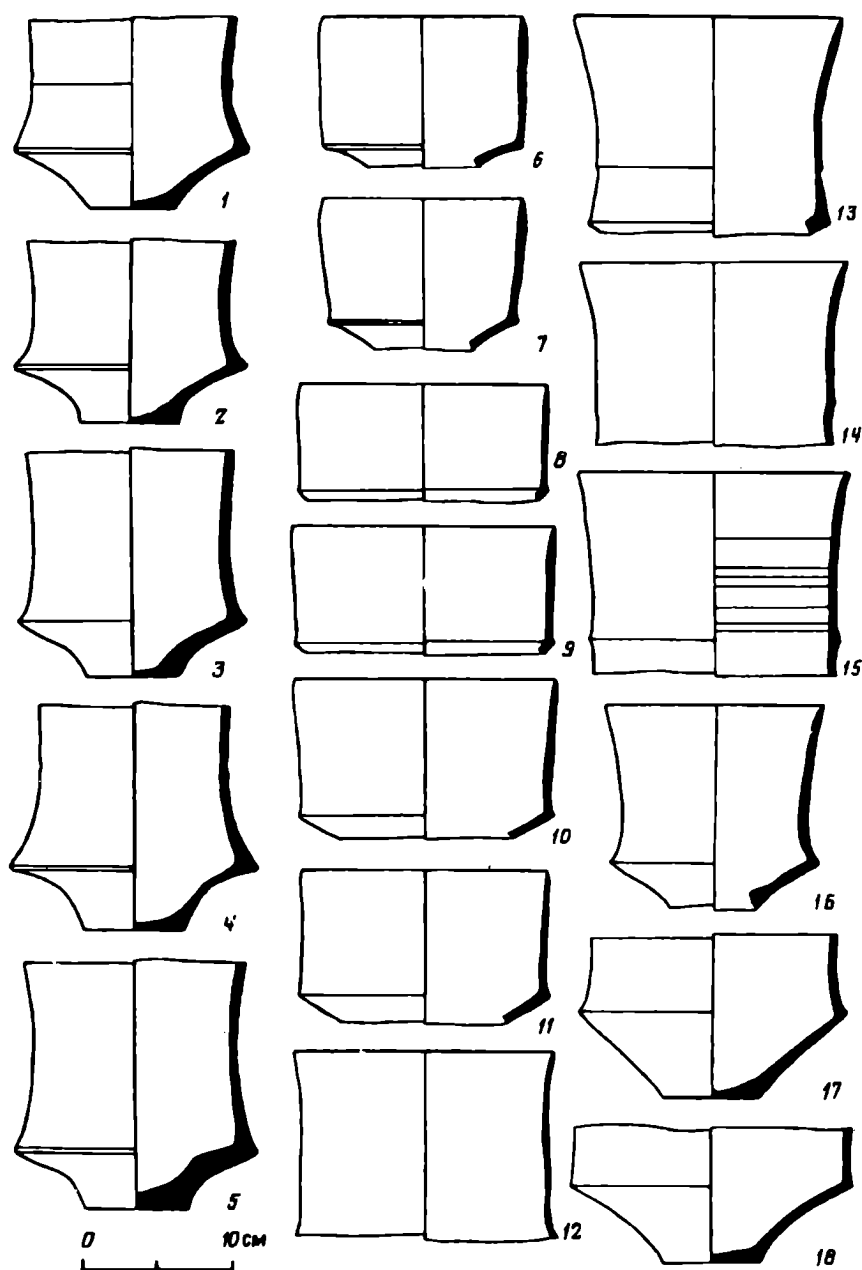

Рис. 5. Станковая керамика

Пестики — 3 экз. Изготовлены из удлинённых галек серого цвета. В сечении круглые, диаметром 5,5—6 м. Рабочая концевая часть сильно стерта (рис. 7, 5).

Терочники — 2 экз. Изготовлены из гранитных пород серого цвета. Все они округлой формы, диаметром до 6 см. На ряде сторон у них имеется плоская площадка со следами шлифовки (рис. 8, 6). Аналогичные предметы найдены на Сепалли-тепе, но А. Аскарлов предпочитает именовать их отбойниками [13, с. 89, 90].

Точило — 2 экз. Они прямоугольной формы, изготовлены из песчаника. Длина 11, ширина 3 см (рис. 7, 7).

В целом многие каменные орудия из Талашкан-тепе I весьма близки аналогичным предметам из памятников эпохи бронзы Сапалли-тепе [13, с. 88—91] и раннего железа (Бандыхан I), что, с одной стороны, говорит о преемственности культур, а с другой — об известном консерватизме и отсутствии заметного прогресса в поисках более совершенных форм орудий труда.

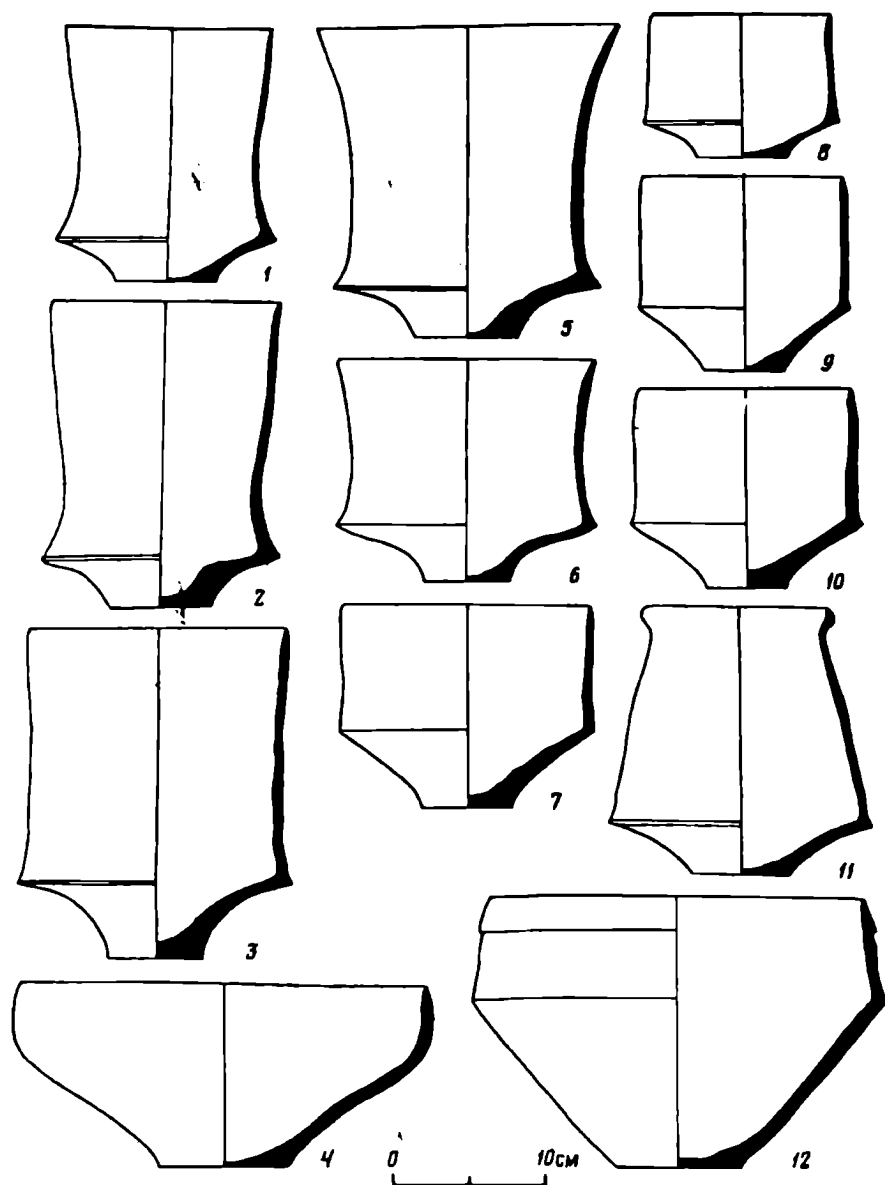

Рис. 6. Станковая керамика

Наконечники стрел — 3 экз. Один из них изготовлен из кремня зеленого цвета. Форма его лавролистная. Длина 5 см, наибольшая ширина 2 см. На обоих продольных боковых частях наконечника отчетливо прослеживаются следы двухсторонней обработки техникой отжимной ретуши (рис. 8, 1). Трассологический анализ, осуществленный Т. Мирсаатовым, показал, что на боковых его частях имеются следы в виде заполировки, характерной для орудий типа скребков. Т. Мирсаатов полагает, что этим орудием в качестве скребка для обработки шкур животных пользовались недолго, так как у него отсутствуют поперечные линейные следы. Вероятно, данный наконечник стрелы, после того как он пришел в негодность, стал использоваться в качестве скребка.

Второй наконечник изготовлен из высококачественного кремня коричневого цвета. Длина его 10 см, наибольшая ширина 2,2 см. Форма наконечника лавролистная, со слегка выраженным черешком на основании. С двух сторон он тщательно обработан техникой отжимной ретуши (рис. 8, 1).

Оба кремневых наконечника стрел находят прямые аналогии по форме и по технике изготовления в памятниках эпохи бронзы. В частности, аналогичные

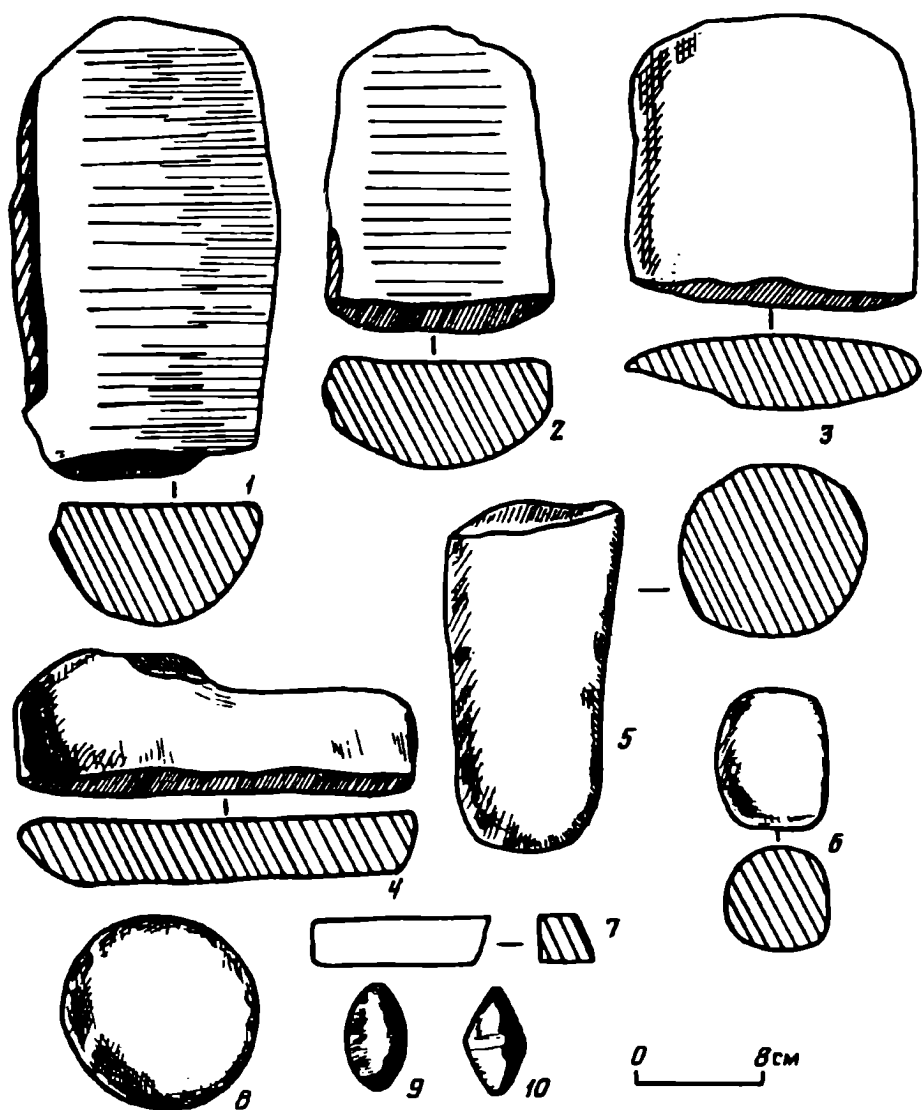

Рис. 7. Каменные орудия труда и глиняные ядра

наконечники представлены на Сапалли-тепе [13, с. 86—88, табл. 28], Джаркутане [14, с. 193, табл. XXIX], в Мургабском оазисе [4, табл. XIII] и в раннетулхарском могильнике [15, табл. IX].

Бронзовый трехлопастной черешковый наконечник стрелы имеет слегка опущенные жальцы. Черешок в верхней части овальный в сечении, внизу прямоугольный (рис. 9, 11). Ранее аналогичные наконечники стрел были найдены при раскопках Карамурунского могильника в центральном Казахстане, датируемого VII—VI вв. до н. э. [16, с. 378] и в могильнике Бегаза VIII—VII вв. до н. э. [17, с. 117]. Их находки известны в Восточном Казахстане и датируются VI—V вв. до н. э. [18, с. 83], а также в низовьях Сырдарьи и в могильнике Уйгарак VII—V вв. до н. э. [19, с. 92—95]. Данный наконечник стрелы более близок наконечникам стрел из Кучук-тепе, расположенном в 10 км к юго-западу от Талышкан-тепе I. Они были обнаружены в верхних слоях шурфов и в захоронении и датируются Л. И. Альбаумом, полагающим, что они имеют сакское происхождение [12, с. 79, рис. 3], первой четвертью IV в. до н. э. По мнению Б. А. Литвинского, исходной формой наконечников стрел данного типа являются наконечники стрел типа найденных в могильнике Бегаза [20, с. 99].

Таким образом, на основании аналогии, наконечник стрелы из Талашкан-тепе

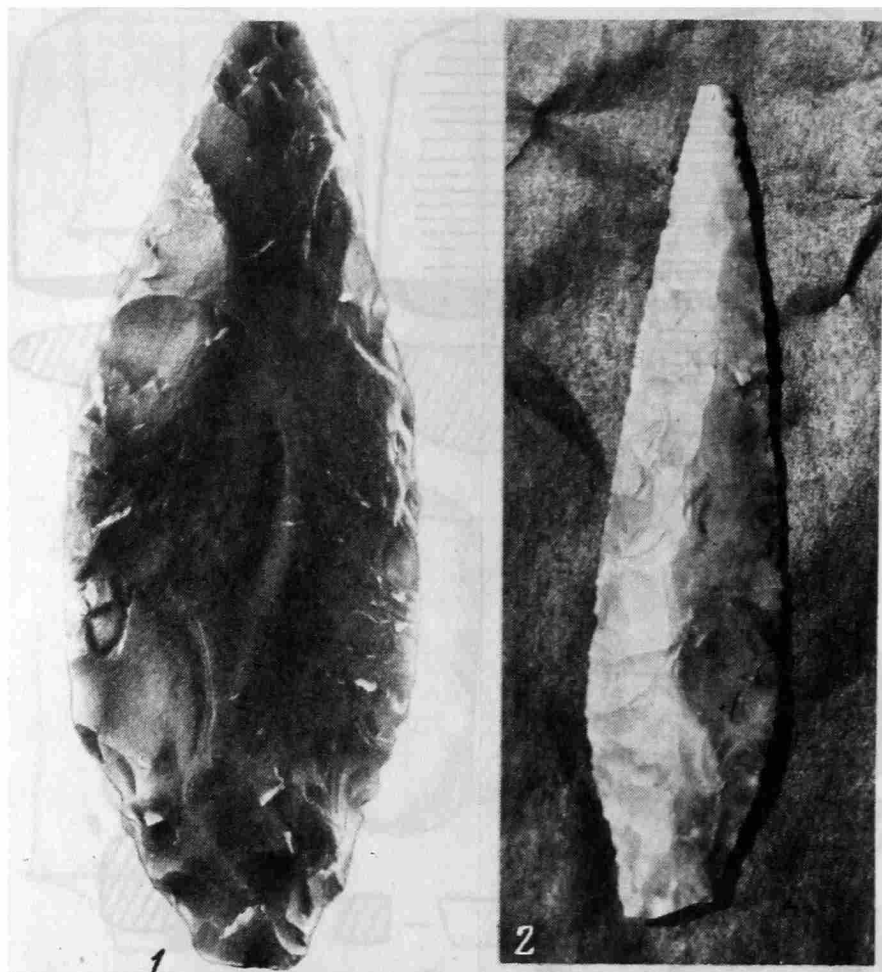

Рис. 8. Кремневые наконечники стрел

I может быть датирован в пределах VIII—IV вв. до н. э., хотя для этого времени более характерны трехгранные и двухлопастные втульчатые наконечники стрел.

Украшения. Среди них — костяные и каменные бусы (рис. 9, 1—10). Костяные бусы цилиндрической формы, шлифованные, Д — 0,9—1,1 см. Каменная бусина эллипсоидной формы изготовлена из серовато-черного камня с желтой полосой. Длина 3,3 см, наибольшая ширина 1,2 см. Сверление одностороннее.

Найдено также 927 костей, принадлежавших 78 особям. Преобладают кости домашних животных — 78,2% (крупный и мелкий рогатый скот, свиньи, лошадь, осел, верблюды). Дикие животные представлены костями лисицы, кулана, джейрана [21, с. 49—55].

Следует отметить находки рогов оленей, концевая часть которых, отполированная до блеска, сохранила следы длительного их использования, однако, функциональное назначение этих предметов остается неясным (рис. 10). Подобные предметы найдены на поселениях эпохи бронзы: Дашлы 3, Сапалли-тепе, Джаркутан [14, с. 200, табл. XXXVI, рис. 10; 22, с. 103].

Рассмотренные материалы позволяют говорить о том, что Талашкан-тепе I является своеобразным археологическим памятником Северной Бактрии ахеменидского времени. Обращает на себя внимание его планировка в виде круга, напоминающая план Эрк-калы в Маргиане и ряда памятников Южной Бактрии [22, с. 34, 118; 23, с. 7—95], что может свидетельствовать о единых градостроительных приемах в этих областях. Наличие вокруг Талашкан-тепе I мощной оборонительной стены — показатель достаточно серьезного значения, которое придавалось этому поселению, по площади довольно незначительному. Учитывая эти данные, можно предположить, что Талашкан-тепе I является крепостью или

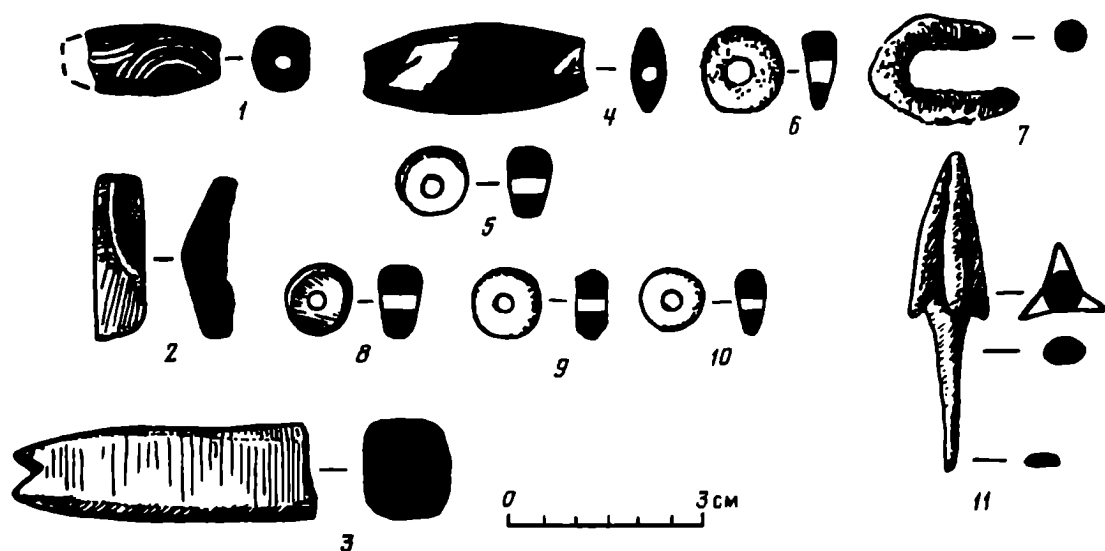

Рис. 9. Украшения

цитаделью большого поселения, так как за пределами стены отмечены следы обживания некоторых участков.

Обратимся к фортификации Талашкан-тепе I. Первые фортификационные сооружения в Бактрии и, в частности, в правобережье Амударьи, возникают во второй четверти II тыс. до н. э., когда сюда мигрируют оседлоземледельческие племена из долины Мургаба и Прикопетдагской равнины. Во всяком случае, на поселениях гиссарского неолита (IV—III тыс. до н. э.) и на синхронных памятниках левобережья Амударьи оборонительных сооружений пока еще не обнаружено. В то же время совершенство фортификационных систем крепостей эпохи бронзы уже в начальной стадии их развития говорит о прочных традициях и навыках, каковые отсутствовали у местного населения Бактрии. Тип «крепость — неукрепленное поселение» широко распространяется здесь в данное время, хотя в структуре фортификационных систем наблюдаются определенные различия.

Крепости Южной Бактрии (Дашлы 1 и Дашлы 3) демонстрируют зрелую фортификацию: первая — прямоугольник плана, охваченный кирпичной стеной толщиной 4 м, фланкированной по углам и периметру округлыми в плане башнями; вторая круглая в плане, защищена двумя рядами стен с обводной галереей, а по внешнему кольцу стен — девятью прямоугольными башнями [22, с. 30—40].

Несколько иная фортификационная система в крепости Сапалли в правобережье Амударьи, где как будто бы отсутствуют башни, хотя угловые, судя по первоначальному микрорельефу, могли быть, но система обороны крепости тем не менее достаточно эффективная — она осуществлялась тремя рядами стен и лабиринтообразными коридорами.

Тип «крепость — неукрепленное поселение» сохраняется здесь и в переходный период от эпохи бронзы к раннему железу. В это время на юге Средней Азии повсеместно возникают цитадели на мощных искусственных платформах из пахсы и сырцового кирпича, но в Северной Бактрии этот процесс, по-видимому, несколько запоздал. На поселении Бандыхан I (X—VIII вв. до н. э.), основанном на естественном лёссовом останце высотой около 1,5 м, только на самом последнем этапе существования, на накопившемся культурном слое предшествующего времени мощностью 5,5 м, была возведена двухметровая сырцовая платформа под какое-то монументальное здание [24, с. 32].

Следующий этап развития искусства фортификации в правобережье Амударьи характеризует поселение Бандыхан II (VII—VI вв. до н. э.), где впервые в бактрийской фортификации фиксируется применение бойниц в башнях. Поселение

Рис. 10. Poga оленей

состоит из крепости площадью 1 га и неукрепленной части около 13 га, причем крепость основана не на искусственной платформе, а на невысоком лёссовом останце. Она расположена в углу поселения, с двух сторон — западной и южной — обведена естественным протоком, с восточной и северной — специально вырытым рвом; крепость обнесена стеной из паксы толщиной 2 м, защищенной овальными в плане башнями диаметром 7—7,8 м с бойницами клиновидной формы, расположенными по углам крепости и на фронтальных участках стен. Собственно поселение хотя еще и не имеет оборонительных стен, но располагается таким образом, что со всех сторон его защищали естественные рвы — широкие русла протоков, заполненных, надо полагать, в древности водой. В этих естественных протоках, ограждающих собственно поселение, можно видеть истоки второго водного искусственного защитного рубежа (ров у цитадели, ров у города), который возникает в бактрийско-ахеменидский период и становится обязательным элементом фортификации бактрийских городов кушанского времени.

Таким образом, в период, непосредственно предшествующий завоеванию Бактрии Ахеменидами, фортификация ее поселений являла собой довольно сложную систему, включающую целый комплекс оборонительных сооружений: крепость на естественном лёссовом останце или на искусственной платформе, усиленная башнями с бойницами для стрельбы и обведенная рвом, огорожение собственно поселения системой естественных протоков, выполняющих функции рва.

Значительный прогресс фортификации по сравнению с предшествующим периодом, по-видимому, означает не только дальнейшее совершенствование военно-оборонительного искусства, но, вероятно, кардинальное изменение в социальной структуре общества, связанное с распадом первобытнообщинных и становлением классовых отношений.

С вхождением Бактрии в состав Ахеменидского государства в 539 или 530 гг. до н. э. фортификация ее городов получает дальнейшее развитие.

В правобережье Амударьи в этот период возникают или получают дальнейшее развитие разнообразные типы поселений, имеющих достаточно сложную систему оборонительных сооружений, в частности Кызыл-тепе и Талашкан-тепе I.

Кызыл-тепе и Талашкан-тепе I — два разных типа памятников: первый — формирующийся город, второй — тип позднейших римских refugium, по этой причине и система их крепостных сооружений различна.

В Кызыл-тепе четко выделяются три части: крепость, собственно город и «пригород». Две первые части имели свою систему оборонительных сооружений.

Крепость расположена в юго-западном углу и включала монументальное сооружение с мощными стенами, а к северу от него, на более пониженном участке, находился хозяйственно-жилой комплекс.

Она была возведена на высоком лёссовом останце, на котором покоилась искусственная платформа (или специально забутованное нижнее здание), а уже на ней было сооружено монументальное здание. Даже сейчас общая высота холма достигает около 20 метров. Крепость окружает широкий и глубокий ров. Собственно город четкого подквадратного плана обведен мощной стеной из пашовых блоков и сырцового кирпича, достигающих у подошвы десятиметровой толщины.

Стена состоит из стрелковой галереи, широкой задней и узкой передней стенок, в которой имеются два ряда прямоугольных и стрельчатых бойниц. По фронту она усилена равномерно расположенными округлыми в плане башнями с аналогичными бойницами (рис. 11, 4). Перед стеной, возведенной на высоком лёссовом останце, образующем выдвинутую вперед площадку, находился глубокий и широкий ров, общий для города и цитадели, [25, с. 63; 26, с. 326].

Иная фортификационная система была свойственна Талашкан-тепе I, Кызыл-тепе и Талашкан-тепе I демонстрируют не только различие фортификационных систем, но и различие приемов защиты. В Кызыл-тепе защита осуществлялась из-за стен стрельбой из лука через бойницы, тонкие передние стенки не могли бы противостоять стенобитным машинам. В Талашкан-тепе I стены монолитные, без стрелковой галереи, стрельба через бойницы в стенах пятиметровой толщины вряд ли возможна. Защита здесь осуществлялась радиальным обстрелом из мощных, далеко вынесенных вперед башен, а также с верхних участков стен, защищенных, возможно, парапетом. Кроме того, раскопки на Талашкан-тепе I зафиксировали возможность применения уже в VI—V вв. до н. э. стенобитных машин, о чем свидетельствуют находки крупных глиняных ядер диаметром 10—12 см и пролом в передней стенке башни. Значительная мощь стен и их монолитность — показатель того, что они создавались с учетом применения при осаде стенобитных машин.

Таким образом, уже в VI—IV вв. до н. э. бактрийская фортификация предстает как сложившаяся система, обладающая разнообразным комплексом оборонительных сооружений, свойственных фортификационным системам развитых обществ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ртвеладзе Э. В. К обследованию городищ в Северной Бактрии//АО-1972. М., 1973.
2. Запаров Ш. Х., Ртвеладзе Э. В. Раскопки древнебактрийского поселения Талашкан-тепе I//Бактрийские древности. Л.: Наука, 1976.
3. Пидаян Ш. Р., Ртвеладзе Э. В. Исследование Талашкан-тепе I//АО-1977. М., 1977.
4. Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргианы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959.
5. Тереножкин А. И. Согд и Чач//КСИИМК. 1940. Вып. 33.
6. Немцева Н. Б. Стратиграфия южной окраины городища Афрасиаб//Афрасиаб. Вып. 1. Ташкент: Фан, 1969.
7. Исмаеудинов М. Х., Сулейманов Р. Х. Ер-Курган (Стратиграфия и периодизация). Ташкент: Фан, 1984.
8. Зеймаль Т. И. Древнеземледельческое поселение Болдай-тепе//Материальная культура Таджикистана. Вып. 2. Душанбе, 1971.
9. Дьяконов М. М. Сложение классового общества в Северной Бактрии//СА. 1954. Т. XIX.
10. Аскарлов А. А., Альбаум Л. И. Поселение Кучук-тепе. Ташкент: Фан, 1979.
11. Беляева Т. В., Хакимов Э. А. Древнебактрийские памятники Миршаде//Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент: Изд-во им. Гафура Гуляма, 1973.
12. Альбаум Л. И. К датировке верхнего слоя Кучук-тепе//ИМКУз., 1969. № 8.
13. Аскарлов А. А. Сапалли-тепе. Ташкент: Фан, 1973.
14. Аскарлов А. А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент: Фан, 1977.
15. Мандельштам А. М. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане//МИА. 1959. Вып. 145.
16. Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. Е., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966.
17. Акишев К. А., Кушаев Г. А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1963.

18. Черников С. С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы//МИА. 1960. Вып. 88.
19. Вишневская О. А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII—V вв. до н. э.//Труды ХАЭЭ. 1973. Т. VIII.
20. Литвинский Б. А. Древние кочевники на крыше мира. М.: Наука, ГРВЛ. 1972.
21. Батыров А. Р. Фауна диких и домашних животных из памятников эпохи бронзы и раннего железа на юге Узбекистана//ИМКУз. 1983. № 18.
22. Сарианиди В. И. Древние земледельцы Афганистана. М.: Наука, 1978.
23. Усманова Э. И. Эрк-кала//Труды ЮТАКЭ. 1963. Т. XII.
24. Сагдуллаев А. С. К эволюции древних поселений Южного Узбекистана//САУ. 1976. 9
25. Pouqatchenkova G. A. Caractères de l'architecture défensive antique en Asie Centrale//La fortifications dans l'Histoire du Monde Grec. Paris, 1986.
26. Rtveladze E. Bactrian fortification: genesis and evolution in their social and cultural aspect//La fortifications dans l'Histoire du Monde Grec. Paris, 1986.

E. V. RTVELADZE, SH. R. PIDAEV

THE FORTRESS TALASHKANTEPE I IN ANCIENT BACTRIA

S u m m a r y

The article is devoted the results of study of Talashkantepe I settlement in Southern Uzbekistan which is dated to the middle of the I mil. B. C. The settlement is round and has a defensive wall with projecting semicircular towers and lancet loop-holes. The fortress has two building periods. The article is considered the question about the evolution of round fortress, formation and development of the Ancient Bactrian fortification. The authors note the high level of culture of the Ancient Bactrian population in the middle of the I mil. B. C.